

МАКС ЭЙНШТЕЙН

ГЕНИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Джеймс Паттерсон
и Крис Грабенштейн

Иллюстрации
Бeverли Джонсон

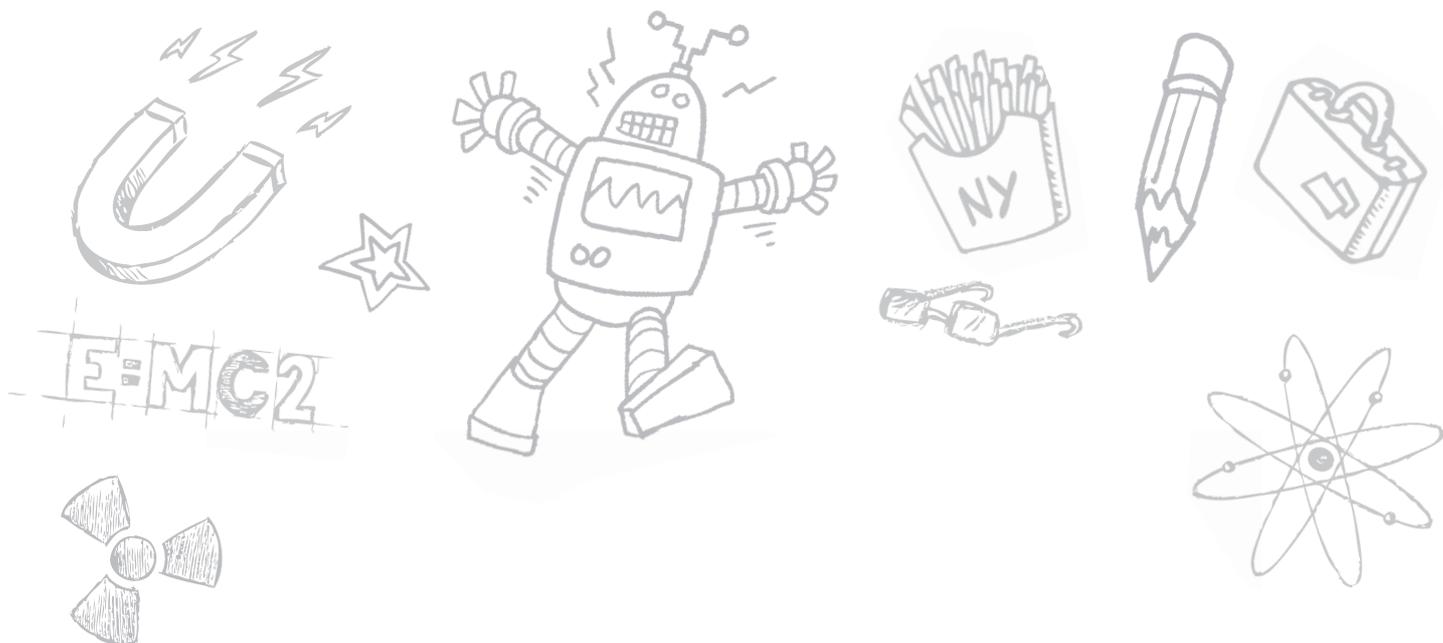

Карьера Пресс
Москва

Детям, которые унаследуют землю
и позаботятся о ней куда лучше, чем мы.

Дж.П. и К.Г.

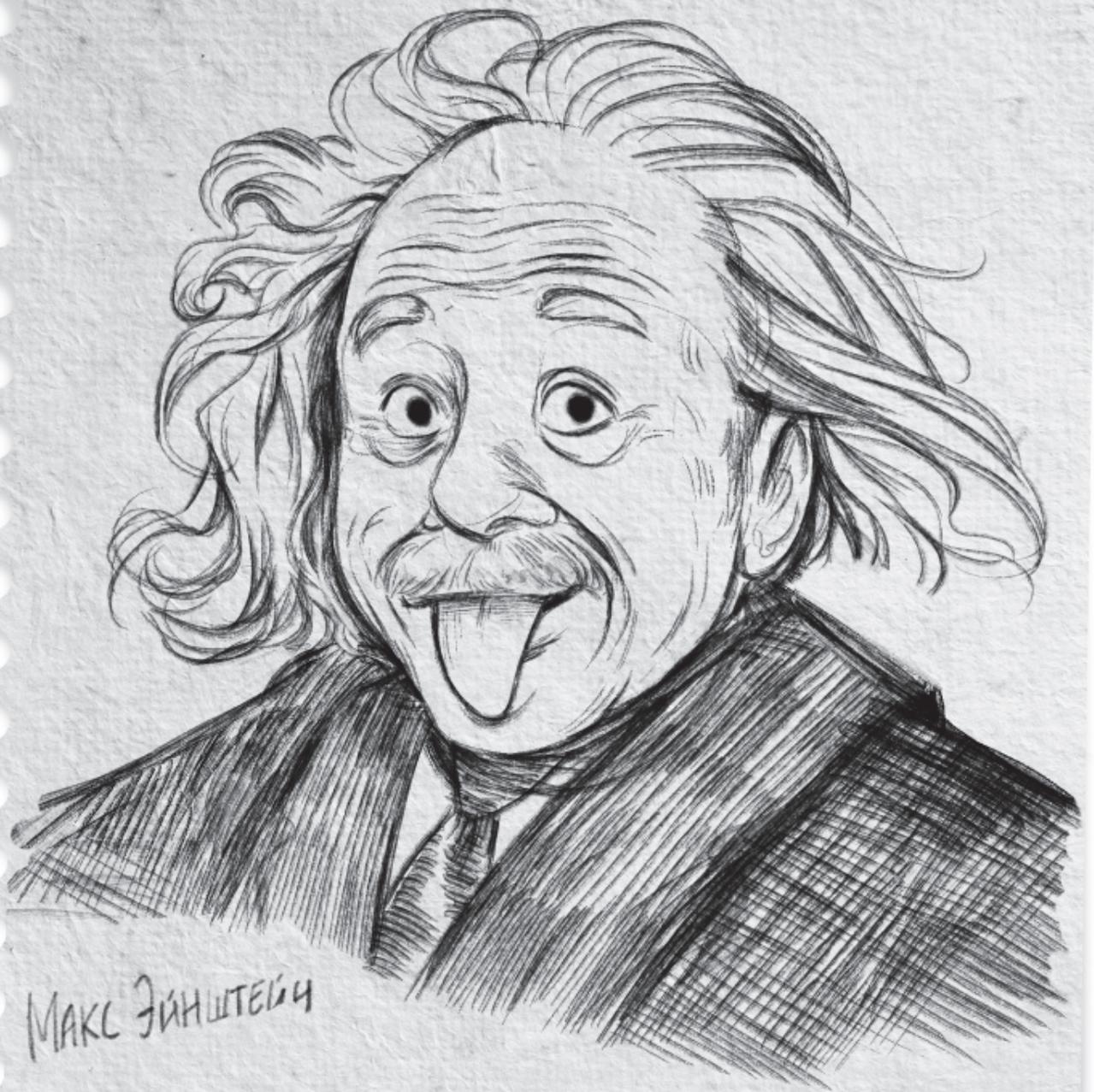

МАКС ЭЙНШТЕЙН

ГЕНИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

МАКС ЭЙНШТЕЙН

ВООБРАЖЕНИЕ
ВАЖНЕЕ ЗНАНИЯ.

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

11

12

13

14

15

16

17

18

19

1

Пробуждение наступило мгновенно. В комнате пахло конским навозом.

— Ну конечно же!

Не обращая внимания на холод, Макс Эйнштейн отбросила одеяло и прыгнула с кровати. Точнее, даже не с кровати, а с сырого комковатого матраса, из которого тут и там торчали клочья ваты. Ну и ладно! Хорошая идея может родиться где угодно.

Макс выскочила в темный коридор. Заскрипел и заходил под ногами пол — голые доски, уложенные прямо поверх балок перекрытия. Спутанные рыжие кудряшки Макс прыгали вверх-вниз на бегу. Они вечно путались, эти кудряшки.

Макс забарабанила в перекошенную дверь, криво повисшую на ржавых петлях.

— Мистер Кеннеди! — позвала она и застучала снова. — Мистер Кеннеди!

— Что еще за... — сонно пробормотали за дверью. — Макс, это ты? Ты что, заболела?

Приняв это за приглашение, Макс ворвалась внутрь, едва не снеся с петель и без того хилую дверь.

— Я не заболела, мистер Кеннеди. У меня все хорошо, просто замечательно! Я придумала грандиозную штуку! Ну, в смысле мне кажется, что грандиозную. В общем, есть одна крутая идея. Она изменит все. Она спасет мир. Эйнштейн называл такие штуки озарением!

— Максина.

— Что, мистер Кеннеди?

— На часах шесть утра.

— Ой, правда? Извините, неудобно вышло. Но ведь никогда не знаешь, когда в голову придет классная идея, правда?

— Что правда, то правда. С тобой так точно...

Макс куталась в безразмерное теплое пальто, брошенное поверх растянутого свитера. Свитер этот она не снимала и во сне, забираясь под служивший ей одеялом лошадиный потник, поскольку

в спальне у нее, как и в комнате у мистера Кеннеди, было очень холодно.

Под скрип досок мистер Кеннеди — крепкий, высокий, с обильной сединой в волосах, — сел на своем ложе и потер сонные глаза. Босыми ногами он нашарил туфли, собственноручно изготовленные им из картона и старых газет.

— Погоди, — сказал он, — дай надену тапочки...

— Потому что пол очень холодный, — сказала Макс.

— А?

— Вам пришлось сделать тапочки, потому что по утрам у вас тут очень холодный пол, так?

— Максина, мы же на конюшне — над конюшней, если говорить точнее, и нас сюда, кстати, никто не приглашал. Еще бы здесь не было холодно! Да и запах, сама понюхай...

Максина, мистер Кеннеди и добрых полдюжины их бездомных товарищей принадлежали к числу тех, кого в Нью-Йорке зовут сквоттерами. Это означало, что они поселились на пустующих этажах здания в Центральном парке. На первых двух этажах этого здания хранились кареты и содержались лошади, которых в эти кареты запрягали; что до

оставшихся трех этажей... Что ж, хозяева здания честно считали, что они пустуют.

— Скоро зима, мистер Кеннеди. А у нас даже отопления нет.

— Ну, нет. А знаешь почему? Потому что мы не платим за жилье, Макс!

— Но ведь дальше здесь будет только холоднее. Так мы скоро замерзнем насмерть. Даже если мы заколотим все окна...

— Ну уж это дудки, — отрезал мистер Кеннеди. — Надо же как-то проветривать. Там, внизу, этого навоза столько, что и здесь не продышаться...

— Вот именно! Я об этом и хотела с вами поговорить! У меня есть отличная мысль. Навоз!

2

— Нет, правда, мистер Кеннеди, все просто, — с этими словами Макс шагнула к стене, сплошь в растрескавшейся штукатурке, и поискала местечко почище.

Из кармана мешковатого свитера появился солидный кусок мела. Макс принялась чертить на стене, как на доске.

— Вот, смотрите, я вам сейчас покажу. Только посмотрите!

Макс любила рисовать — у нее даже имелся блокнот (довольно замызганный), который она выкопала из мусорного бака. На стене появились кружки, над которыми она пририсовала волнистые линии, означавшие испускаемую ими вонь. Подпись гласила: «Навоз/биотопливо».

— Чтобы не замерзнуть зимой, надо просто поговорить с мистером Сэмми Монком.

— В смысле с хозяином этого здания? — скептически уточнил мистер Кеннеди. — Который даже не знает, что мы здесь живем? Ты этого Сэмми Монка имеешь в виду?

— Да, именно, — подтвердила Макс, вычерчивая на стене какой-то сложный чертеж. — Надо договориться, чтобы он отдавал нам весь навоз из конюшен.

Мистер Кеннеди встал.

— Навоз? Весь? Господи боже мой, Макс, да зачем нам навоз? Это... это же навоз!

— Да, но на этом навозе я построю биотопливную установку, и она будет обогревать весь дом.

— Какую-какую установку?

— На биогазе, понимаете? Мы запустим процесс анаэробного разложения и будем превращать навоз в биогаз, а потом сожжем этот газ и получим электричество и тепло.

— То есть ты собираешься сжигать газ, который получится из навоза?

— Вот именно! Анаэробное разложение — это последовательность биологических процессов, в ходе которых микроорганизмы разлагают биоразлагаемые материалы — тот же навоз — на

составляющие в отсутствие кислорода. «Анаэробный» — значит «без кислорода». Запускаем процесс — и получаем тепло и электричество.

— Послушай, тебе правда двенадцать лет?

— Да. Ну, насколько мне известно.

Мистер Кеннеди одарил Макс взглядом, увы, слишком хорошо ей знакомым. Во взгляде этом явно читалось «да ты с ума сошла». Ты чокнутая. Кукушкой поехала. Впрочем, Макс никогда не принимала такие взгляды близко к сердцу. Как говорил Альберт Эйнштейн, «судьба великих умов во все времена — встречать сопротивление посредственностей».

Нет, Макс вовсе не относил мистера Кеннеди к посредственностям. Просто она не слишком понятно объяснила свою новую сногшибательную идею. Иногда интересные мысли врываются к ней в сознание так быстро, что язык просто не поспевал за разумом.

— Смотрите, мистер Кеннеди: нам понадобится герметичный контейнер, он должен быть чуть больше бочки для горючего, чуть меньше автомобильной цистерны.

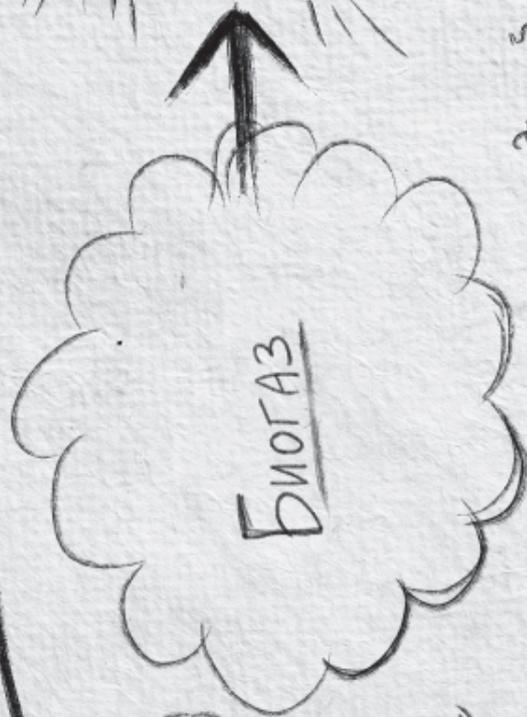
Макс набросала угловатый контейнер, огороженный металлическими столбиками.

— Лучше всего из толстого пластика, конечно.

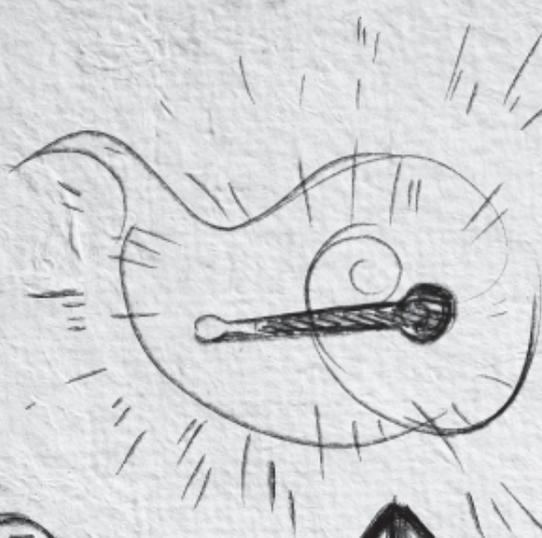
БИО-ТОПАЛЬНАЯ УСТАНОВКА

① НАВОЗ/БИОТОПАМВО

③

④ ТЕПЛО

$$P = \frac{1}{V} \frac{dQ}{dt} = \frac{1}{V} \frac{dQ}{dt} T$$

$$P = nRT = \Delta \left(\frac{1}{V} \right) = n \frac{1}{V}$$

$$\frac{300}{10} = \frac{5}{12}$$

$$\frac{3000}{120} = \frac{5 \text{ kJ} \cdot \text{m}^3}{120}$$

В идеале надо установить вокруг него арматуру из гальванизированного железа. Потом отмеряем и нарезаем три трубы: одна для подачи навоза, одна для выхода газа и еще одна для слива получающегося жидкого удобрения. Вводим эти трубы в контейнер, стыки заделываем герметиком, подсоединяем к трубопроводу — и вперед!

Потирая небритый подбородок, мистер Кеннеди внимательно рассматривал подробный чертеж, который Макс вывела на крошащейся стене.

— Это ты отлично придумала, Макс, — сказал он. — Как всегда.

Макс позволила себе улыбнуться — сдержанно, но гордо:

— Спасибо, мистер Кеннеди.

— Только тут есть одна небольшая проблема.

— Какая?

— Вот тут у тебя контейнер... вот этот куб, да? Какого он размера? Десять на десять на десять футов или около того?

— Около того.

— А вокруг ты хочешь установить металлическую арматуру. Еще нужны три трубы и подключение к трубопроводу. Кроме того, как я понимаю, тебе понадобится горелка, чтобы сжигать полученный газ и превращать его в тепло.

Макс кивнула:

— И генератор. Чтобы вырабатывать электричество.

— Вот именно. Это ведь целая куча денег, верно?

Макс опустила руку с зажатым в ней куском мела.

— Да, наверное.

— А как ты думаешь, чего нет у большинства из тех, кто ютится в этом здании?

Макс сжала губы:

— Денег?

— Хм-м, да. Вот именно.

Макс уронила мел обратно в карман свитера и потерла озябшие бледные руки.

— Я поняла, мистер Кеннеди. Все как всегда — надо быть практичнее. Я придумаю план получше и тогда снова приду. Еще до зимы придумаю, вот увидите.

— Вот и славно. Только знаешь, Макс...

— Что?

Мистер Кеннеди устроился на неровном ложе и натянул одеяло повыше.

— В следующий раз подожди хотя бы до семи утра, ладно?

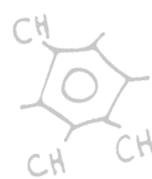
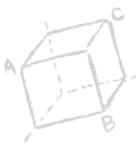
З

Макс посмотрела на часы.

Они показывали 6:17 утра. В отличие от мистера Кеннеди Макс любила встать пораньше. Такой уж она уродилась, такой, должно быть, и останется. Ведь по утрам, особенно в заветный миг на грани сна и яви, ее сонный мозг рождал самые грандиозные идеи. Если бы не это, первые утренние часы Макс были бы неизменно окрашены тоской — той самой тоской, которая известна каждому сироте. Тоской тем более острой, что Макс и представления не имела о том, где ее родители.

Осторожно ступая по скрипучим доскам, Макс на цыпочках вернулась к себе в комнату. За спиной у нее был слышен храп мистера Кеннеди.

Свою комнату над конюшнями Макс обустро-

ила так же, как обустроивала все комнаты, где ей доводилось останавливаться: поставила набор стоймя открытый старый чемодан и устроила в нем выставку, посвященную Альберту Эйнштейну. Понизу выстроились книги, написанные самим Эйнштейном или посвященные ему. Откинутые крышки чемодана с обеих сторон превратились в галерею с фотографиями и цитатами Эйнштейна. Имелась в экспозиции даже куколка с качающейся головой — она тоже изображала Эйнштейна и была добыта из мусорной корзины при музейном магазине. Куколкой Макс подпирала книги.

Макс не помнила, откуда у нее этот чемодан. Он был всегда. Он был даже старше ее мешковатого вязаного свитера, а уж свитер можно было смело считать антиквариатом.

Самая старая фотография в коллекции, которую кто-то (кто — Макс не знала) приклеил к крышке чемодана изнутри, истрепанная, с завернутыми уголками, изображала великого ученого в момент раздумий. У Эйнштейна на этой фотографии были пышные усы и буйная нечесаная шевелюра. Руки его были стиснуты, словно в молитве, а взгляд устремлен в пространство.

Эта фотография была в самых первых воспоминаниях Макс. Не зная своих родителей, маленькая

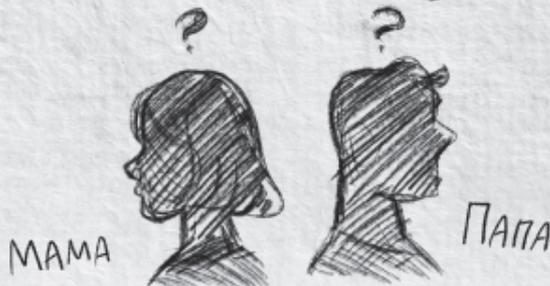
ЧТОБЫ ПОСТРОИТЬ
БИОТОПЛИВНУЮ
УСТАНОВКУ,
МНЕ НУЖЕН
МИЛЛИОН
ТАКИХ
ВОТ

ВОТ
ЭТО
ТЫ ЗРЯ,
АЛЬБЕРТ

НЕ МОЖЕТ ГОВОРИТЬ =
ОТЛИЧНЫЙ СЛУШАТЕЛЬ

ПРИЧЕСКА
КАК У ЭЙНШТЕЙНА
ОБЪЕМ > СТИЛЬ

Макс перед сном частенько говорила с человеком на фотографии, видя в нем кого-то вроде дедушки. Этот человек всегда готов был ее выслушать. Постепенно ей стало интересно, что это за человек, и из этого интереса родилось ее увлечение Эйнштейном и всем, что его касалось. Она узнала, что Эйнштейн родился в Германии, но перед Второй мировой войной вынужден был переехать в Америку. И что он работал в патентном бюро, но так много думал о разных замечательных и удивительных вещах, что частенько забывал о работе. В общем, у Макс с ним было много общего.

Рядом с фотографией Макс повесила листок с самой любимой своей цитатой из Эйнштейна: «Воображение важнее знания».

— Если не считать денег, которых вечно не хватает, чтобы воплотить задуманное в жизнь, — проворчала себе под нос Макс.

Мистер Кеннеди был прав.

На строительство биотопливной установки нужно очень много денег. А денег у Макс не было. И попросить навоз у мистера Сэмми Монка она тоже не могла, потому что мистер Сэмми Монк и не подозревал, что в пустующих помещениях над его конюшнями кто-то живет. Придется искать другой способ обогреть мерзнующих сквоттеров. Та-

кой, чтоб не стоил ни гроша и чтобы можно было обойтись никому не нужным мусором.

Макс включила компьютер — она собрала его своими руками из подобранных тут и там деталей. Чего только не выставляют ньюйоркцы у дороги в дни, когда ждут мусоровоз! Макс обзавелась отличным паяльником (тоже кто-то выбросил) и с его помощью из кучи старых плат, ненужных проводов, выброшенных процессоров, забракованных клавиатур и мутноватого экрана от разбитого макбука-про собрала компьютер, который работал быстрее, чем ее собственный мозг.

Вай-фай у нее был бесплатный — спасибо публичной сети, которая покрывала весь Нью-Йорк. Аккумуляторы компьютера (их Макс нашла в мусорнике за модным магазином «Эпл») можно было перезарядить у специальной стойки в каком-нибудь квартале от конюшен. (Надежный вай-фай был одной из причин, по которым Макс выбрала это место жительства. А еще от конюшен было рукой подать до одного крутого учебного заведения.)

Щелчком мыши Макс открыла браузер и вышла на страницу, которую пометила закладкой накануне.

Это был кошмарный репортаж о детях из Демократической Республики Конго, с семи лет «трудящихся в опаснейших условиях на добыче кобальта, который пойдет на изготовление миллионов смартфонов, автомобилей и компьютеров для всего мира». Эти дети, сорок тысяч детей, получали за свой изнурительный труд доллар в день, а теневой международный консорциум, называемый попросту Корпорацией, наживался на их эксплуатации и богател, богател, богател...

Мысль об этих детях разбивала Макс сердце.

Потому что оно у нее было большое, сердце — совсем как у Альберта Эйнштейна.

4

Макс складывала в рюкзак учебники, и тут внизу на улице послышался какой-то шум.

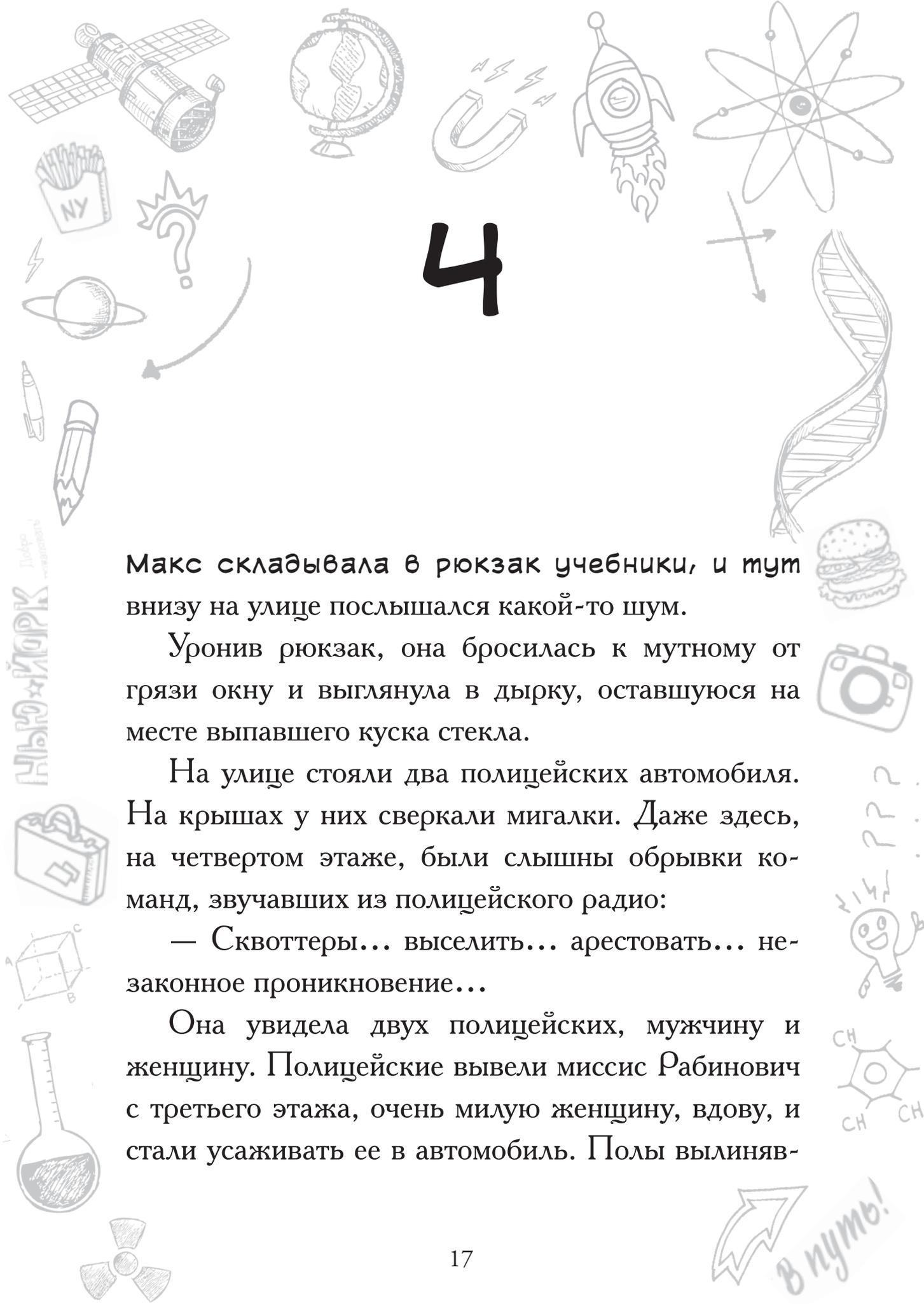
Уронив рюкзак, она бросилась к мутному от грязи окну и выглянула в дырку, оставшуюся на месте выпавшего куска стекла.

На улице стояли два полицейских автомобиля. На крышах у них сверкали мигалки. Даже здесь, на четвертом этаже, были слышны обрывки команд, звучавших из полицейского радио:

— Сквоттеры... выселить... арестовать... незаконное проникновение...

Она увидела двух полицейских, мужчину и женщину. Полицейские вывели миссис Рабинович с третьего этажа, очень милую женщину, вдову, и стали усаживать ее в автомобиль. Полы вылиняв-

Нью-Йорк

В путь!

шего домашнего халата миссис Рабинович хлопали на ветру, обнажая ноги в шерстяных чулках.

— Там еще есть, — сказала напарнику женщина. — Нам понадобится помощь.

— Вызываю, — ответил полицейский, который стоял, облокотившись на автомобиль, и держал в руках радио. Видимо, он командовал операцией. — Вызывает Альфа-три-пять-ноль, — будничным голосом заговорил он в микрофон. — Один подозреваемый задержан. В здании имеются и другие. Прошу прислать поддержку.

Макс не выдержала. Она одним махом одолела четыре пролета высоких ступеней с крутыми поворотами и вылетела на яркий утренний свет.

— Прошу прощения, офицеры, — сказала она и приставила ладонь ко лбу, загораживаясь от солнца. — Можно вас на минутку?

— А? Ты кто такая, девочка? — спросил полицейский, который руководил операцией.

— Максина Эйнштейн, сэр.

— Как этот, ученый, да? Который «е равно эм-цэ квадрат»?

На это Макс ничего не ответила, не желая отвлекаться от темы. Занятия наукой давно научили ее не отвлекаться на ненужные мелочи и твердо стремиться к назначенной цели.

— Почему вы арестовали миссис Рабинович? — твердым строгим голосом спросила она.

— А потому что ваша подруга — сквоттер. Она не имеет права жить в этом здании, поскольку не платит арендную плату. И не только она — здесь никто не имеет права жить. — Полицейский бросил угрожающий взгляд на Макс: — И вы в том числе.

— Скажите, вам знаком такой юридический термин, как «приобретательская давность»? —

— Ах ты боже мой! Ты что, юрист?

— Нет. Я не прошла надлежащего курса обучения и не сдавала квалификационный экзамен, дающий право заниматься частной юридической практикой. Тем не менее я знаю, что в случае занятия жильцами чужой собственности в дело вступает понятие приобретательской давности, а также так называемые права сквоттера. В штате Нью-Йорк человек, который проживает в одном и том же месте минимум десять лет подряд, не скрываясь и не имея разрешения собственника, может претендовать на владение на основе правового титула вопреки притязаниям другого лица.

— Вы что же, хотите сказать, что эти сквоттеры прожили над конюшнями мистера Монка больше десяти лет, и только потом он спохватился и заявил в полицию?

— Нет. Я полагаю, что сквоттеры фактически владеют данной собственностью месяцев шесть-семь. Я уточню цифру у мистера Кеннеди.

— Да, но шесть-семь месяцев — это не десять лет.

— Вы правы. Однако законы города Нью-Йорка несколько отличаются от законов штата Нью-Йорк. В городе свои законы о приобретательской давности, и за соблюдением этих законов вы как полицейские клялись надзирать. Да будет вам известно, сэр, что в городе Нью-Йорке право сквоттера возникает уже через тридцать дней проживания в одном и том же месте.

Офицер в замешательстве уставился на Макс. Она давно привыкла к таким взглядам.

— Согласно законам города Нью-Йорка, — продолжала она, — через тридцать дней сквоттер получает право проживания в здании, и право это сохраняется за ним до тех пор, пока реальный владелец здания — в данном случае мистер Сэмми Монк — не инициирует и не выиграет очень дорогостоящий, насколько мне известно, процесс, который позволит ему легально выселить жильцов. Насколько я представляю себе картину, займет это у него не меньше года. Не исключено, что и больше.

Полицейские, которые усаживали миссис Рабинович в машину, остановились и уставились на командира с рацией, явно не понимая, что им делать дальше. Миссис Рабинович они отпустить не торопились, дожидаясь дальнейших указаний.

Командир полицейских покачал головой:

— Отпустите ее.

Полицейские отпустили.

Миссис Рабинович потерла руки — полицейские с ней не церемонились, — и чмокнула Макс в щеку.

— Спасибо, милая, — шепнула она девочке.

— Не за что, миссис Рабинович. Рада была вам помочь.

— Я вчера нашла бейгель со сливочным сыром. Хочешь?

— Спасибо, но я уже позавтракала.

— Вот и умничка. Завтрак — это очень важно...

И с этими словами хрупкая старушка торопливо юркнула обратно в дом.

— Слушай, Эйнштейн, — сказал главный полицейский.

— Да, сэр?

— Ты в какой школе учишься? Отправлю-ка я туда своего сына.

Ну, не совсем самой. У Макс был мистер Кеннеди, миссис Рабинович и остальные сквоттеры. Однако, по правде говоря, никто из них не обладал «безупречными способностями в сфере тайм-менеджмента», как это называла Макс.

Но они любили ее, и Макс платила им ответной любовью. Это ведь уже немало. Обосновавшиеся над конюшней бездомные практически стали ей семьей — ведь другой семьи у нее никогда не было. Макс даже не знала, действительно ли она Эйнштейн или это не настоящая ее фамилия. А вдруг они с гениальным физиком родственники?

Макс не знала.

Макс Эйнштейн не знала, кто она, откуда, как оказалась в Нью-Йорке, кто дал ей эти имя и фамилию. Ей нравилось думать, что в ее прошлом есть большая тайна, которую невозможно раскрыть, особенно сейчас. Ведь она и так уже опаздывала (еще больше обычного).

— Удачи в школе, Макс! — крикнула миссис Рабинович, когда Макс с топотом пробежала третий этаж.

— Спасибо!

— Может, возьмешь хоть половинку бейгеля? Он не с простым сыром, а с клубничным!

— Нет, спасибо! Мне пора бежать!

Она скатилась на первый этаж, в конюшню.

— Привет, Домино, Кит-Кат, Опи! — крикнула на бегу Макс.

Лошади приветствовали ее ржанием и взмахами хвостов.

— Поднажмите, ребята, — нам нужен навоз! — бросила им Макс. — Потому что когда-нибудь я все-таки построю биотопливную установку!

«Если вдруг выиграю в лотерею», — подумала она про себя.

Конюшня располагалась в западной части Манхэттена, над самой рекой Гудзон. Макс пробежала четыре квартала на восток, еще пару на юг и на перекрестке Западной Пятидесятой улицы и Восьмой авеню нырнула в подземку.

Ей повезло — к платформе, скрежеща тормозами, как раз подошел поезд. Макс прыгнула между дверей, которые щелкнули у нее за спиной, словно жадные железные челюсти, и ввинтилась в вагонную толпу.

— Прошу прощения, — сказала она, ненароком толкнув стоящих по соседству бедолаг, и уцепилась за поручень за мгновение до того, как поезд тронулся. Движение слегка толкнуло ее назад — физика, что поделаешь. Сэр Исаак Ньютон, дедушка

современной физики, сформулировал три закона, один из которых как раз и гласил, что тело, пребывающее в покое, стремится пребывать в нем и далее, даже если поезд, в котором оно находится, вдруг поедет вперед.

Именно так и вышло с телом Макс (а также со всеми прочими телами, которые набились в этот вагон). А когда поезд остановился, все они качнулись вперед — ясно же, что тело, пребывающее в движении, стремится продолжать движение.

Поезд летел на юг со скоростью тридцать миль в час, а Макс провожала взглядом муху, которая летела по вагону в северном направлении.

«С какой же скоростью в итоге летит эта муха?» — подумала Макс и улыбнулась. — Да-а, все на свете относительно».

Это была одна из самых знаменитых идей Альберта Эйнштейна: теория относительности.

Поезд движется по направлению к центру города, а муха в этом поезде летит по направлению из города. С какой скоростью она летит? Все относительно — все зависит от вашей точки зрения.

Муха движется одновременно в две стороны, в одну — со скоростью пять миль в час, в другую — со скоростью двадцать пять миль в час.

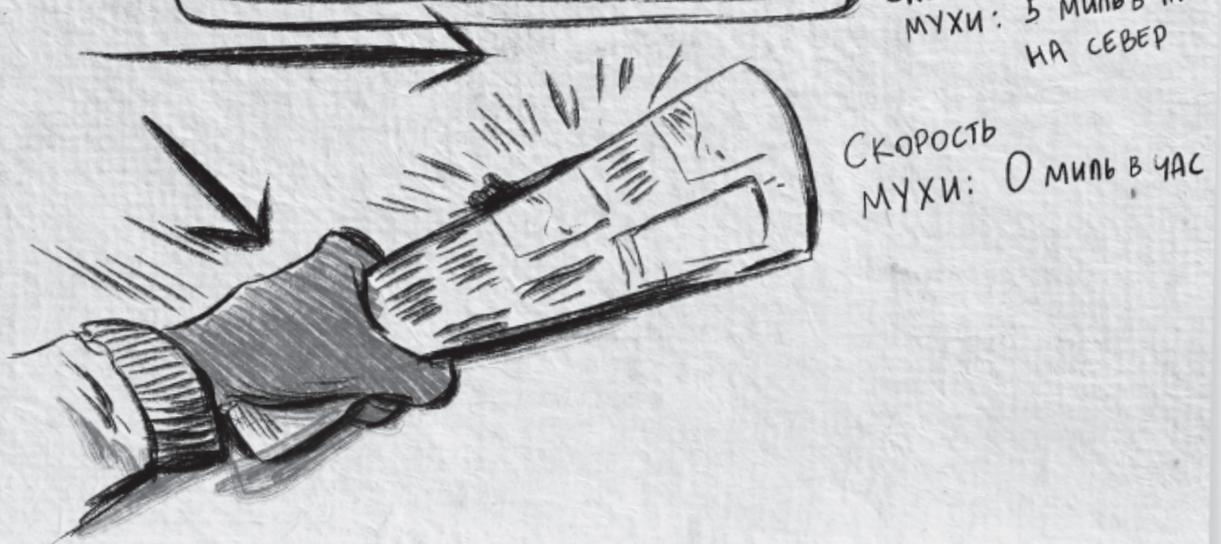
Если бы кто-нибудь встал в туннеле и дождал-

ся идущего поезда (очень глупая идея, тем более для ученого), он мог бы замерить скорость мухи и определить, что она движется на юг со скоростью двадцать пять миль в час.

Но с точки зрения Макс, которая ехала в том же поезде, муха двигалась на север и преодолевала пять миль в час.

А потом какой-то здоровяк, стоявший через поручень от Макс, поймал бедолагу на подлете и прихлопнул.

И тогда она прекратила движение.

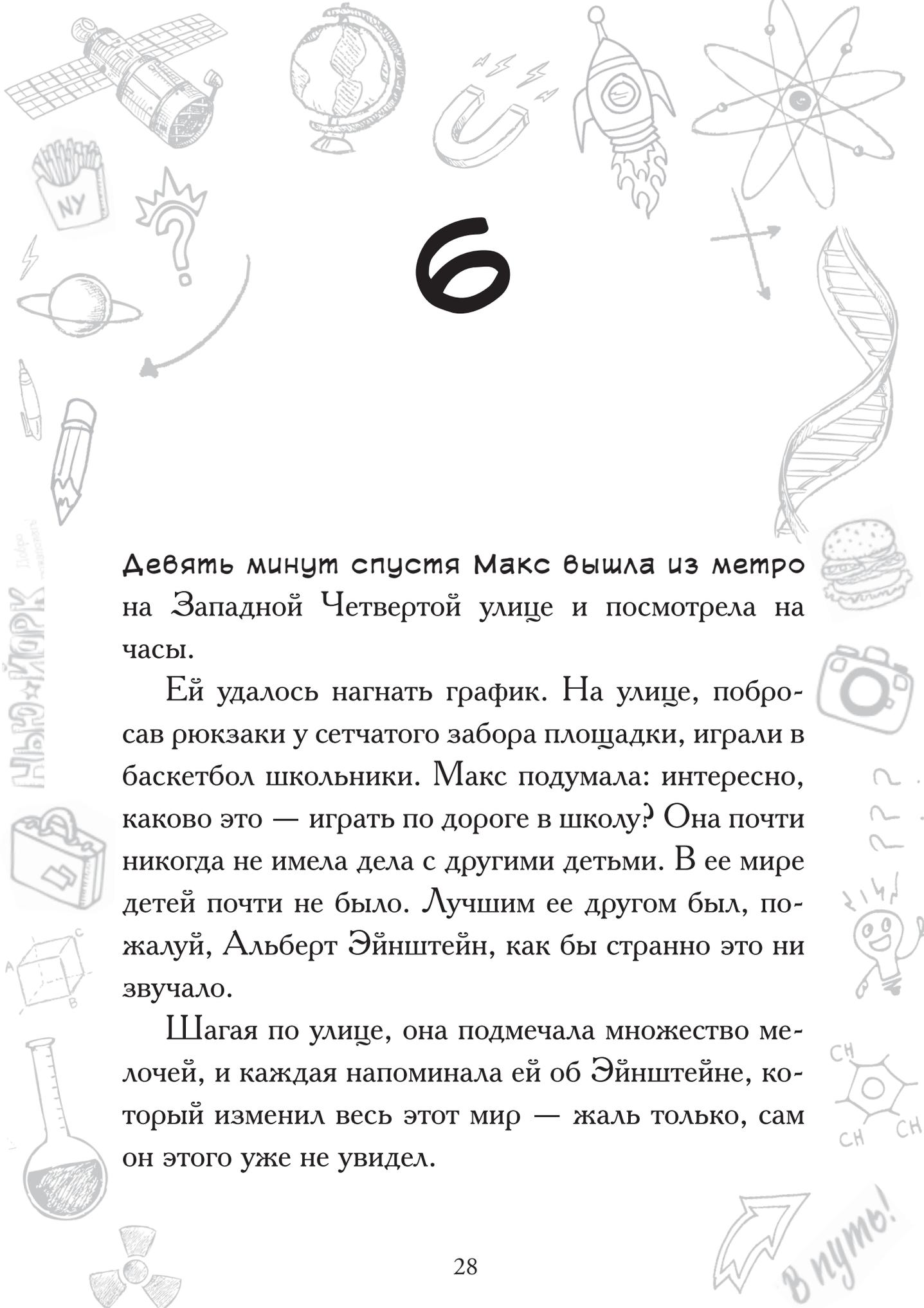

6

Девять минут спустя Макс вышла из метро на Западной Четвертой улице и посмотрела на часы.

Ей удалось нагнать график. На улице, побросав рюкзаки у сетчатого забора площадки, играли в баскетбол школьники. Макс подумала: интересно, каково это — играть по дороге в школу? Она почти никогда не имела дела с другими детьми. В ее мире детей почти не было. Лучшим ее другом был, пожалуй, Альберт Эйнштейн, как бы странно это ни звучало.

Шагая по улице, она подмечала множество мелочей, и каждая напоминала ей об Эйнштейне, который изменил весь этот мир — жаль только, сам он этого уже не увидел.

Вот прошла пара туристов, поминутно сверяясь с картой на экране айфона. Для того чтобы точно указать, в какой части Манхэттена находятся эти двое, приложение использовало систему геолокации. Сигнал телефона летел к спутникам на орбите Земли и возвращался обратно. Туристам всего-то и нужно, что отыскать ближайший «Старбакс», но в основе технологии, которой они пользовались так привычно, лежала теория относительности Эйнштейна и еще одна штука, которую он называл «замедлением времени». Смартфон — умный телефон — умен лишь потому, что Эйнштейн был еще умнее.

Макс посмотрела на часы — есть еще пара минут, чтобы забежать в парк Вашингтон-сквер и предложить мистеру Вайнштоку партию в быстрые шахматы.

Мистер Леонард (или, как его называли чаще, Ленни) Вайншток уверял, что он родом из Лондона, то есть из Англии. Однако Макс не знала, правда ли это. Он много чего говорил: утверждал, например, что окончил Оксфорд. И лично встречался с королевой. «Причем неоднократно, прошу заметить!»

Впрочем, все это было неважно. Макс знала мистера Вайнштока как милого пожилого джентль-

мена, который говорил с изысканным британским акцентом, носил рубашки в клетку, жилет со множеством карманов и плоскую кепку вроде тех, в каких ходят таксисты. А еще мистер Вайншток не меньше самой Макс любил шахматы.

— Доброе утро, Максина, — приветствовал он ее. Макс плюхнулась на лавочку напротив, и теперь их разделял шахматный стол, какие стояли в этом парке повсюду.

— Доброе утро, мистер Вайншток.

— Не желаете ли сыграть?

— Желая. А вы будете играть?

— С удовольствием, моя дорогая. Если мне не изменяет память, в данный момент вы ведете по очкам.

— Да, сэръ, но ненамного.

По правде говоря, Макс выигрывала у мистера Вайнштока гораздо чаще, нежели проигрывала, да и проигрывала чаще всего нарочно. Ей вовсе не хотелось, чтобы неумолимая череда поражений подкосила его боевой дух. В конце концов, из всех завсегдатаев парка Вашингтон-сквер он единственный готов был играть с Макс Эйнштейн. Репутация — страшная вещь.

— Блиц, суперблиц или молния? — спросил мистер Вайншток (он имел в виду скорость игры).

БЕСПЛАТНЫЕ МЕСТА
В ПЕРВОМ РЯДУ!

МОЯ
СТАНЦИЯ

НАГНАЛА
ГРАФИК

ВЫ НАХОДИТЕСЬ
ЗДЕСЬ

БАЛОВАННАЯ
СОБАЧКА

— Давайте молнию, ладно? — попросила Макс. — Чтобы мне не опоздать на занятия.

— Действительно, на занятия лучше не опаздывать. Что ж, молния так молния.

Мистер Вайншток нажал на кнопку цифрового таймера. На то, чтобы обдумать и сделать ход, каждому из игроков отводилось по десять секунд.

— Шах и мат, — сказала Макс пять ходов спустя. — Извините, мистер Вайншток. В следующий раз вы наверняка выиграте. Просто сейчас у вас не было времени обдумать ход.

— Разумеется, — усмехнулся мистер Вайншток. — Надеюсь, что менее торопливая игра будет приятна нам обоим. Счастливого вам школьного дня, моя милая.

— Спасибо, сэр.

И Макс сорвалась с места, пообещав себе, что в следующий раз обязательно даст мистеру Вайнштоку выиграть.

К счастью, школа ее находилась совсем рядом с парком Вашингтон-сквер. Точнее, это даже была и не школа.

Потому что двенадцатилетняя Макс Эйнштейн училась ни много ни мало в Университете Нью-Йорка!